

М.В. Орлова
M.V. Orlova

ГЛАГОЛЫ В СОЧЕТАНИЯХ С НАЗВАНИЯМИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ: ПОЛИСЕМИЯ, ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ ИЛИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ?⁷

VERBS IN COMBINATION WITH NAMES OF SPEECH ACTS: POLYSEMY, PHRASEOLOGY OR GRAMMATICALIZATION?

В статье исследуются пути и механизмы появления у глаголов функции «вербализаторов» (вспомогательных глаголов в составе конструкций с девербативами) и особенности их использования в сочетании с названиями разного рода коммуникативных актов. Отмечаются как общие свойства глаголов с соответствующими значениями в индоевропейских языках, так и специфические для русского языка явления – в частности, высокая степень употребительности глагола вести в качестве вербализатора с дополнительным значением длительности и контролируемости действия. Делается вывод о неполной десемантизации и грамматикализации соответствующих глаголов в индоевропейских языках: в частности, выбор говорящим того или иного вербализатора базируется непосредственно на исходном, прямом значении глагола. Это позволяет рассматривать употребление глаголов передачи и перемещения в сочетании с акциональными именами как результат семантического перехода.

Ключевые слова: глагольно-именные дескрипции, девербативы, грамматикализация, семантический переход, когнитивная метафора.

The article examines the ways and mechanisms of the appearance of the function of "verbalizers" in verbs (auxiliary verbs as part of constructions with deverbatives) and the particularities of their use in combination with the names of different communicative acts. Both the general properties of verbs with corresponding meanings in Indo-European languages are noted, as well as phenomena specific to the Russian language – in particular, frequent use of the verb to conduct as a verbalizer with the additional meaning of duration and controllability of the action. A conclusion is made about the incomplete desemantization and grammaticalization of the corresponding verbs in Indo-European languages: in particular, the speaker's choice of a given verbalizer is based directly on the first, direct meaning of the verb. This allows to consider the use of transfer and movement verbs in combination with actional names as the result of a semantic shift.

⁷ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 22-18-00586 «Построение типологии полисемии с применением частично-автоматизированной системы кросс-языковой идентификации семантических переходов».

В свете активно обсуждаемой в литературе в последние десятилетия (см., например, [2], [5], [20]) проблемы развития аналитических тенденций в современном русском языке особенного внимания, как представляется, заслуживают обороты с девербативами вида *сделать шаг, произвести впечатление, совершить поступок, оказать помощь, принять решение, дать ответ* и т.д. В работах разных авторов по отношению к таким сочетаниям используются термины «описательный предикат» [7], «аналитическое глагольно-именное словосочетание» [9], «описательный глагольно-именный оборот» [10] и др., а фигурирующие в составе оборота десемантизированные глаголы получали название экспликаторов, компенсаторов, актуализаторов, интерпретаторов. В настоящей работе будут использоваться наиболее, на наш взгляд, прозрачные термины «глагольно-именная дескрипция» и «вербализатор» соответственно.

Одной из важных проблем, связанных с семантикой и функционированием глагольно-именных дескрипций, представляется само возникновение вербализаторов. Для наиболее детального рассмотрения этого вопроса представляется необходимым типологическое исследование состава таких конструкций: наличие или отсутствие коррелятов к русским глагольно-именным дескрипциям в других языках может свидетельствовать о большей или меньшей когнитивной значимости моделей концептуализации действительности, лежащих в основе переосмысления глагола как вербализатора. В настоящей работе в качестве типологического фона для русских дескрипций будут привлекаться данные ряда индоевропейских языков.

В качестве объекта исследования были выбраны глагольно-именные дескрипции, субстантивный компонент которых называет тот или иной речевой акт: *вопрос, ответ, предложение, совет, приказ, обещание, клятва* и т.д. С одной стороны, названия разного рода локутивных актов в языке достаточно многочисленны, чтобы представлять собой богатый материал для анализа; с другой стороны, эта группа имен достаточно гомогенна и тем ярче позволяет выявить особенности употребления различных вербализаторов с именами, принадлежащими одному семантическому полю.

Материалом для исследования послужили данные, зафиксированные в толковых словарях индоевропейских языков [19], [26–28], [30–32], в корпусах текстов [14], [24], [29], а также в базе данных «Database of Semantic Shifts», в которой фиксируется информация о семантических переходах, представленных на синхронном или диахроническом уровне в конкретных лексемах — реализациях данного перехода ([Zalizniak et al. 2012; Zalizniak 2018]; база данных доступна по адресу: www.datsemshift.ru). Базовый набор русских глагольно-именных дескрипций был получен из [14] при помощи инструмента «2-граммы».

1. Семантический переход, фразеологизация и грамматикализация как динамические процессы в языке

Для того чтобы ответить на поставленный в статье вопрос о происхождении вербализаторов в языке, следует дать определение терминам, которые обозначают процессы изменения в значении и функциях лексемы. Так, если исходить из того, что при использовании в составе дескрипции глагольная лексема становится исключительно выразителем грамматических значений, то происходящее с ней явление следует квалифицировать как грамматикализацию – «процесс превращения лексической единицы в грамматический показатель» [11, 11]. Прототипическими случаями грамматикализации в индоевропейских языках можно считать, в частности, судьбу указательных местоимений (см., например, [23]) или вспомогательных глаголов (см. примеры их грамматикализации на разном языковом материале в [12]).

Эта ситуация принципиально отличается от семантического перехода – явления, понимаемого как «наличие некой концептуальной смежности между двумя языковыми

значениями А и В, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах "одного слова в широком смысле"» [6, 411]. Семантический переход, таким образом, также предполагает сдвиг в употреблении слова, однако это изменение лежит полностью в плоскости лексического значения.

Фразеологизация – вхождение слова в состав устойчивого оборота, фразеологического сращения или единства [3, 89] с новым значением, не складывающимся буквально из значений его компонентов, – предполагает, что говорить о собственной семантике лексемы в принципе невозможно, поскольку возникающее в сочетании лексическое значение неделимо и выражается всем фразеологизмом. Воспроизводимость фразеологизма сближает его составляющие с грамматикализованными лексемами: поскольку лексическое или грамматическое значение закреплено за всей конструкцией, она может считаться единицей не только речи, но и языка.

2. Основные вербализаторы в составе глагольно-именных дескрипций с названиями речевых актов

В ходе типологического анализа глагольно-именных дескрипций в индоевропейских языках становится очевидно, что для описательного обозначения действия, как правило, используется ограниченный набор глаголов с определенными прямыми значениями. Представляется, что анализ значения и употребления конструкций с разными вербализаторами позволит поставить под вопрос подход к дескрипциям как к гомогенной группе конструкций.

2.1. Сочетания с «базовыми» глаголами действия

Весьма обширную группу вербализаторов составляют глаголы с первым значением 'делать/создавать', такие как рус. *делать/сделать, производить/произвести, совершать/совершить, осуществлять/осуществить*, англ. *to do, to make*, фр. *faire, exercer, produire*, нем. *machen* и др. Собственное лексическое значение таких глаголов очень широко, в связи с чем при необходимости конструирования средства косвенной номинации семантика глаголов типа *делать* легко сводится к указанию «на процесс в самой общей форме» [4, 83].

Глаголы *делать/сделать* способны формировать дескрипции с названиями речевых актов, ср. *сделать выговор, замечание, запрос, заявление, объявление, предложение, распоряжение, сообщение*. В то же время их сочетаемость далеко не ограничивается этой группой девербативов: в частности, они активно используются с названиями как физических (*сделать движение, поворот* и т.д.), так и ментальных действий (*сделать выбор, предположение* и т.д.). В случае с другими глаголами из этой группы (*совершить, осуществить, произвести*) можно, как представляется, говорить о лексической сочетаемости [1, 12]: дескрипции с этими вербализаторами имеют более яркую стилистическую окраску и могут быть заданы конечным списком.

Аналогичную сочетаемость обнаруживаем и в других индоевропейских языках. Глаголы с обобщенным значением действия сочетаются с названиями речевых актов (ср. англ. *to make an announcement* 'сделать объявление', *to make an offer, a suggestion* 'сделать предложение', *to make a promise, a pledge* 'дать обещание'; фр. *faire une annonce* 'сделать объявление', *faire une déclaration* 'сделать заявление', *faire une offre* 'сделать предложение'; ит. *fare un'offerta, una proposta*; нем. *Antrag, Vorschlag machen* 'сделать предложение'), ментальных действий (англ. *to make a choice* 'сделать выбор', *to make a decision* 'принять решение'; фр. *faire un choix* 'сделать выбор', *faire une suggestion* 'сделать предположение'; нем. *Fehler machen* 'сделать ошибку', *Versuch machen* 'сделать попытку'; нидерл. *een fout maken* 'сделать ошибку'), физических действий (англ. *to make a step* 'сделать шаг'; фр. *faire un pas* 'сделать шаг', *faire un mouvement* 'сделать движение'; нем. *Schritt machen* 'сделать шаг'). В некоторых случаях, как можно видеть, эти языки отдают предпочтение вербализаторам типа *делать* в сочетаниях, в которых в русском языке будут использоваться более специфические вербализаторы.

Представляется, что о грамматикализации таких глаголов можно говорить с несколько большими основаниями, чем в случае с другими глаголами-вербализаторами, поскольку какой-либо специфический семантический оттенок, вносимый в дескрипцию глаголом типа *делать* или *произвести*, выявить практически невозможно. Интерес, таким образом, представляют в большей степени случаи, когда для сочетания с акциональным именем выбирается другая лексема, имеющая более четко очерченное прямое значение.

2.2. Сочетания с глаголами передачи

В частности, в индоевропейских языках распространены сочетания девербативов с различными глаголами передачи: рус. *давать/дать*, англ. *to give, to grant*, фр. *donner, livrer, prêter*, нем. *geben*. Естественно, что, будучи менее широкозначными лексемами, чем глаголы типа *делать*, они накладывают более жесткие сочетаемостные ограничения на семантику именного компонента конструкции.

В русском языке наиболее распространены сочетания глаголов *давать/дать* с названиями разного рода речевых актов: *дать клятву, команду, обещание, объявление, ответ, поручение, приказ, разрешение, распоряжение, совет, согласие, указание* и т.д. Схожим образом ведут себя глаголы передачи и в других языках: ср. англ. *to give advice* 'дать совет', *to give an assignment, an instruction* 'дать поручение', *to give an order* 'дать приказ', *to give/grant permission* 'дать разрешение'; фр. *donner son accord* 'дать согласие', *donner l'autorisation* 'дать разрешение', *donner un conseil* 'дать совет', *donner un ordre* 'дать приказ', *donner une réponse* 'дать ответ', *prêter serment* 'дать клятву'; исп. *dar consejos* 'дать совет'; нем. *Antwort geben* 'дать ответ', *Rat geben* 'дать совет'. Такая сочетаемость неудивительна, поскольку ситуация физической передачи объекта тоже может рассматриваться как своего рода невербальная коммуникация между двумя лицами.

В контекстах, содержащих такие дескрипции, симметричным образом отражается структура ситуации передачи, послужившая основой для перехода глагола в класс вербализаторов. Субъект передачи переосмысливается как субъект речи, реципиент – как адресат сообщения, а объект передачи – как собственно локутивный акт. Таким образом, использование глаголов передачи в оборотах типа *дать ответ* может быть охарактеризовано как результат семантического перехода, основанного на когнитивной метафоре: 'передать <предмет>' → 'передать <информацию>'.¹

При анализе таких дескрипций обращает на себя внимание тот факт, что многие из них называют ситуацию «неравноправного» коммуникативного взаимодействия, когда субъект выше адресата по социальному статусу или наделен большими полномочиями (*дать команду, поручение, приказ, распоряжение* и др.). Это также представляется неслучайным, поскольку и при употреблении глаголов *давать/дать* в первичной функции субъект представляется как изначально обладающий тем или иным предметом, который он может передать или не передать реципиенту, что ставит последнего в зависимое положение. Идея «неравноправия» двух основных участников ситуации находит отражение и в падежном оформлении конструкции.

2.3. Сочетания с глаголами перемещения

Отдельного интереса заслуживают вербализаторы со значением перемещения: *вести, провести, проводить* и их корреляты в других языках – фр. *mener, conduire*, нем. *führen*. Феномен семантического расширения таких глаголов отражает общезыковую закономерность: известно, что исходным пунктом семантической эволюции лексических единиц чаще всего служит определенный набор «базовых», выведенных на основе чувственного восприятия значений, в том числе лежащих в сфере движения/перемещения [8, 24], [15, 174].

Такие сочетания, очевидно, основаны на представлении о длительном, размеренном, контролируемом действии, концептуализируемом как движение по определенному маршруту: им присущи семантические признаки «способность длиться во времени», «динамичность», «контролируемость» [16, 127], позволяющие отнести такие дескрипции к таксономической категории «деятельностей». Эти семантические компоненты, очевидно,

наследуют номинативному значению глагола (ср. толкование *вести* в [19]: 'идти во главе, предводительствуя, направляя движение').

Вполне естественно, что эти вербализаторы сочетаются с названиями комплексных процессов, протяженных во времени и предполагающих определенный порядок действий: *вести торговлю, вести работу, вести <то или иное> существование, вести борьбу*. Нередки среди них и дескрипции с названиями речевых актов: *вести беседу, дискуссию, допрос, переговоры, разговор, рассказ, речь*⁸, *спор*. Характерно, что все эти речевые акты предполагают относительно длительную коммуникацию и контроль над ней со стороны говорящего. Представляется, что метафорический характер этого семантического сдвига достаточно очевиден.

Такого рода сочетания с глаголами перемещения особенно характерны для русского языка, в отличие от других индоевропейских: параллель вышеуказанным сочетаниям обнаруживается только в немецком (*Gespräch führen* 'вести беседу'). Вероятно, такая концептуализация разного рода процессов в той или иной степени лингвоспецифична.

3. Вербализаторы *делать, давать, вести*: пути семантического расширения

Как уже отмечалось выше, ближе всего к грамматикализации подошли глаголы из группы «делать». Такие вербализаторы емко описывает определение предложенных в модели «Смысл <—> Текст» лексических функций Oper, Func и Labor как «семантически пустых» [13, 93] единиц, «синтаксических оформителей описания ситуации с помощью существительного, называющего ее» [13, 93].

Сочетания акциональных имен с глаголами передачи и глаголами перемещения представляют собой другой случай. Более конкретное прямое значение этих лексем и их ограниченная сочетаемость с акциональными именами не позволяют констатировать их десемантизацию и говорить о полной грамматикализации этих глаголов. В то же время эти сочетания представляются недостаточно фразеологизированными: в их составе, безусловно, можно выделить собственное значение субстантивного компонента, а также значение глагола – не прямое, производное от исходного значения.

Впрочем, в ряде случаев представляется возможным говорить и о частичной фразеологизации глагольно-именных дескрипций с названиями речевых актов. Так, несвободной сочетаемостью очевидно характеризуется глагол *здать (задавать)*, который образует оборот с существительным *вопрос*.

Вопрос о степени фразеологизации глагольно-именных дескрипций, как представляется, с большей легкостью может быть решен для артиклевых языков. В частности, во французской лингвистической традиции одним из признаков глагольно-именной дескрипции (*locution verbale*) считается «необходимость отсутствия артикля перед приглагольным существительным в постпозиции» («l'absence d'article devant ce substantif postverbal») [25, 31]. Исследователи отмечают сложности в характеристике русских фразеологических единиц в сопоставлении с французскими: «русские недискретные словосочетания с точки зрения их синтаксической формы, т.е. на синтаксическом уровне, неотделимы от словосочетаний свободных» [21, 60], тогда как во французском языке «недискретный характер [сочетания] сигнализируется отсутствием артикля» [21, 147].

Таким образом, можно констатировать, что глагольно-именные дескрипции, в том числе обороты с названиями речевых актов, представляют собой генетически неоднородную группу конструкций. Некоторые из них представляют собой результат семантического перехода, благодаря которому глагол становится неполнозначным, утрачивая часть своего базового лексического значения и помещая топологическую схему (англ. *image schema* – термин введен М. Джонсоном) [22, 346–348; 17, 377; 18, 46] в новый контекст. Другие возникают в результате грамматикализации глагола, полной или практически полной утраты

⁸ См. интересную параллель в сочетаниях *вести речь, толкнуть речь и задвинуть речь*: в последних, нелитературных, оборотах выражается прямо противоположная идея – представление о быстро, «энергично» осуществленном действии.

им лексического значения и превращения в носитель грамматических признаков конструкции. Возможны также случаи, когда дескрипция представляет собой фразеологический оборот, значение которого невыводимо из значения составляющих его компонентов.

Исследованный материал позволяет прийти к выводу о том, что глагольно-именные дескрипции, несмотря на свое структурное и функциональное сходство, могут рассматриваться как языковые факты принципиально различной природы в зависимости от используемого в них вербализатора. Это утверждение верно как для русского, так и для других индоевропейских языков, в которых представлены схожие модели конструкций.

1. Апресян Ю.Д. Избр. труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
2. Брызгунова Е.А. Развитие морфологического и синтаксического аналитизма в русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2004.
3. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избр. труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.
4. Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур). // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
5. Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000. С. 237–304.
6. Зализняк А.А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32–51.
7. Золотова Г.А. Коммуникативные особенности русского синтаксиса. М., 2006.
8. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
9. Кутенкова Н.В. Особенности функционирования аналитических глагольно-именных словосочетаний (АГИС) в разнотипных языках. М., 2011.
10. Майсак Т.А. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 10–32.
11. Майсак Т.А., Плунгян В.А., Семенова Кс.П. Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта. СПб., 2016.
12. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл <—> Текст». Семантика, синтаксис. М., 1974.
13. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.11.2023).
14. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
15. Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.
16. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2010.
17. Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. М., 2005.
18. Словарь русского языка / ред. А.П. Евгеньева. М., 1998. Т. 3.
19. Столярова И.В. О тенденции аналитизма в языке современной прозы (на материале вводных и вставных конструкций) // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия. М., 2002. С. 99–101.
20. Степанов Ю.С. Французская стилистика (в сравнении с русской): учеб. пособие. М., 2006.
21. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной когнитивной лингвистики / ред. И.А. Секерин. М., 1997. С. 340–369.
22. Banniard M. Du latin aux langues romanes / Paris, 2005.
23. Corpus of Contemporary American English (COCA) URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 02.11.2023).
24. Curat H. Morphologie verbale et référence temporelle en français moderne: Essai de sémantique grammaticale. Genève, 1991.
25. Diccionario general ilustrado de la lengua española / ed. R.M. Pidal, S.G. Gaya, M.A. Ezquerro. Bibliograf S.A., 1987.
26. Dizionario italiano, con sinonimi e contrari. Milano, 1998.

27. Duden Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. G. Drosdowski. Mannheim, 1983.
28. frTenTen: Corpus of the French Web. SketchEngine. URL: <https://www.sketchengine.eu/frtente-french-corpus/> (дата обращения: 02.11.2023).
29. Longman Dictionary of Contemporary English (2003), 4th ed., Longman, White Plains, NY, USA.
30. TLFi: Trésor de la langue Française informatisé. ATILF / CNRS – Université de Lorraine. URL <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm> (дата обращения 04.10.2023).
31. Van Dale Groot woordenboek der Nederlandse taal / Hrsg. C.A. Den Boon, D. Geeraerts. Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1961.
32. Zalizniak A.A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // *New directions in lexical typology. A special issue of linguistics*. Vol. 50. No. 3. P. 633–669.
33. Zalizniak A.A. The catalogue of semantic shifts: 20 years later // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Vol. 22. No. 4. P. 770–786.